

Чистяков Михаил Борисович

**Рассказы из путешествий по
Африке**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
М69

М69 **Михаил Борисович Ч.**
Рассказы из путешествий по Африке / Чистяков Михаил Борисович – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 447 с.

ISBN 978-5-521-30366-3

ISBN 978-5-521-30366-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОѢЗДКА НА СУЭЦКІЙ ПЕРЕШЕЕКЪ.

Въ ноябрѣ, 1862 года, взялъ я мѣсто на императорскомъ пароходѣ «Дунай», отправлявшемся изъ Марсели въ Александрію. Погода стояла самая дождливая и прекрасное южное небо походило на сѣрое, туманное, какое бываетъ на дальнемъ сѣверѣ; вѣтеръ былъ противный. Когда мы вышли въ открытое море, насъ стало немилосердно метать со стороны на сторону; мы хватались за веревки и за то что попало, чтобы насъ, бѣдныхъ, неопытныхъ мореходцевъ, не сбросило съ палубы. Пары работали изо всѣхъ силъ, но мы подвигались медленнѣ черепахи; наконецъ, послѣ двухъ-часовой, бесполезной борьбы противъ волнъ и вѣтра, съ каждымъ мгновеніемъ ста-

Путешеств. по Африкѣ.

новившихся яростнѣй, капитанъ объявилъ намъ, что нѣтъ никакой возможности идти впередъ и что мы цѣлую ночь будемъ лавировать въ виду Марсели.

Пассажиры всѣ спрятались подъ палубу; пароходъ качало такъ неистово, что стулья какъ живые, прыгали отъ одной стѣны къ другой. Невозможно было сидѣть и лежать на диванахъ, окружавшихъ столовою. Чтобы не падать на земь, не толкаться съ сосѣдомъ и не кувыркаться съ дивановъ, намъ оставалось лечь въ койки. Кто самъ не испыталъ, каково въ бурю провести въ койкѣ долгую осеннюю ночь, тотъ вообразить не можетъ, что мы испытали въ этихъ тѣсныхъ конурахъ-шкафахъ, называемыхъ койками. На двухъ ящикахъ, или полкахъ шкафа положено по тонкому матрасу, по необрубленной простынѣ и, по причинѣ жаровъ южнаго климата нисколько не чувствительнаго въ дождь и бурю, по тоненькому бѣлому одѣялу. Всадите въ эти полки по одному пассажиру и качайте ихъ всю ночь напролетъ, какъ муку въ ситѣ, тогда вы можете представить себѣ, каково пассажиру спать. Въ каютѣ на туалетѣ и стаканъ, и графинъ, и умывальникъ, все сидитъ въ гнѣздахъ и, не смотря на это, звенить и бренчить на пропалую а иногда то, или другое выскакиваетъ изъ гнѣзда, падаетъ на полъ и разбивается. Прибавьте еще къ тому мученія морской болѣзни, непріятный звонъ въ ушахъ, голова трещить отъ боли, не знаешь, куда лечь какъ тутъ спать?

Къ утру непогода улеглась, и мы заснули; когда же встали, всѣ ночныя невзгоды были забыты, па-

роходъ шелъ на всѣхъ парахъ, яркое солнце уже просушило палубу; насъ только иногда покачивали еще не совсѣмъ улегшіяся волны бушевавшего моря.

Я вышелъ на палубу; паруса уже распущены и надулись отъ попутнаго вѣтра. Вотъ, матросы чего-то захлопотали: у одного въ рукахъ песочные часы, другіе несутъ грузило съ узловатою веревкой, намотанной на катокъ; одинъ офицеръ готовъ бросить треугольную дощечку; хотятъ узнать быстроту нашего хода. По данному сигналу дощечка летитъ черезъ бортъ, песочные часы опрокинуты, песокъ сыплется, а узловатая веревка быстро развивается; вотъ матросъ, державшій песочные часы, крикнулъ «стой!» Вережка не развивается больше, ее тянуть назадъ и насчитываютъ двѣнадцать узловъ. Капитанъ очень доволенъ, онъ потираетъ руки и подходитъ къ намъ съ словами: «мы идемъ удивительно быстро; славная погода; намъ лучшей и желать нечего!»

Всѣ пассажиры быстро оправились отъ морской болѣзни, повеселѣли и всякій занялся, чѣмъ могъ; мы перезнакомились; насъ было сорокъ человѣкъ и мы не замѣтили, какъ день прошелъ. На палубѣ жизнь и движеніе: экипажъ свертываетъ веревки, укладываетъ каны, чиститъ мѣдныя вещи, моетъ палубу, краситъ борты корабельные, однимъ словомъ, уничтожаетъ всѣ слѣды прошедшей бури.

Мимо насъ пронеслись Іоническія острова: наступила ночь, гдѣ-то вдали сверкнула звѣзда; чѣмъ далѣе мы идемъ, тѣмъ ярче она горитъ, тѣмъ ближе она спускает-

ся къ горизонту. «Что это такое?» спрашиваю я у вахтеннаго матроса.

Онъ на меня взглянулъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и какъ-бы нехотя отвѣчалъ: «извѣстно что: Мессинскій маякъ!»

А, такъ эта темная черта вдали—сицилійскій берегъ! Прошло еще нѣсколько времени и одинъ огонекъ за другимъ началъ показываться, обозначая береговые изгибы; вскорѣ мы подошли къ Мессинѣ. Съ корабля городъ очень живописенъ: онъ возвышается уступами, а вокругъ него оливковыя и фіговыя рощи; между ними отдѣльно разбросанные домики; на самой вершинѣ—цитадель.

Поѣздка по мессинскому проливу походить на самую пріятную прогулку: передъ нами проходятъ оливковыя плантаціи; виноградники ползутъ вверхъ по горной цѣпи Апенинъ; между ними неправильно разсѣяны деревенскіе домики.

Но послѣ веселой и оживленной земледѣліемъ фізіономіи берегъ мало-по-малу принимаетъ характеръ суровый и угрюмый; Этна передъ нами; наступающая ночь не дала намъ рассмотреть предгорій этого вулкана; и мы только могли отличать на небѣ его кольцообразную, покрытую снѣгомъ вершину

Пока мы шли подлѣ Сициліи, погода была намъ благопріятна, но потомъ небо покрылось тучами, а море пѣной, и насъ начало опять качать. Два дня и три ночи терпѣли мы ужаснѣйшую бурю, которая насъ отнесла къ берегамъ Греціи; удивительно, что «Дунай» нашъ не раскачался, не смотря на то, что онъ то

и дѣло скрипѣлъ и стоналъ и во всѣ пазы его вода лилась ключемъ. Намъ нужно было зайти въ ближайшую гавань, чтобы запастись углемъ и починить кое-что, попорченное бурей; рѣшено было зайти въгавань Каламаты.

Когда бросили якорь и мы на лодкѣ въѣхали въ въ рѣчку съ болотистыми, тинистыми берегами, матросы взяли насъ себѣ на плечи и понесли по черной илистой грязи; бекасы взлетали стаями; но вотъ мы на твердой землѣ, на дорогѣ въ городъ. Въ улицахъ, подлѣ домовъ—толпа провожаетъ насъ съ любопытными и удивленными глазами. Идти ничего-бы, порядочно; только приходилось безпрестанно сторониться отъ свиней и поросятъ, беззаботно прогуливавшихся по улицѣ; они роятся въ сору выброшенномъ на улицу; имъ въ работѣ помогаютъ голодные собаки, индѣйки утки.

Горы Тайгета оканчиваются въ морѣ мысомъ; на одной изъ отлогостей горной цѣпи стоитъ городъ; старину надъ нимъ возвышалась цитадель, отъ которой теперь остались развалины; видъ отсюда очаровательный: на лѣво отъ насъ, сколько глазомъ окинешь, идутъ горы, а тамъ за ними, должны быть развалины Спарты; потому что прекрасная Греція отъ величія своего сохранила только *развалины*. Мы не видимъ Спарты, но приблизительно знаемъ, на какой точкѣ горизонта искать ее.

На-право, заливъ *Мессенскій*, котораго какъ-то не хочется называть новымъ именемъ *Конопскаго*; восточную окраину его составляетъ древній мысъ Тенары,

теперешній Матапанъ; а далѣе чистое синее море и чуть видный вдали островъ Чериго, или древній Цитера.

Когда мы проходили мимо этого острова, я, полный историческихъ воспоминаній, съ любопытствомъ вглядывался въ него, но не видалъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ крестьянскихъ домиковъ: въ Греціи каждая точка говоритъ о прошлой славѣ и указываетъ на настоящую нищету; земля, по которой ходили герои и боги, теперь служить жильемъ торгашу и нищему.

Мнѣ такъ тяжело стало на сердцѣ, что я, былъ радъ, когда опять сѣлъ на пароходъ и мы были въ открытомъ морѣ; наконецъ 14 декабря наше странствованіе окончилось и мы бросили якорь передъ Александріей. Съ корабля видъ Александріи не представляетъ ничего замѣчательнаго; она построена на гладкомъ мѣстѣ; двойной рядъ вѣтреныхъ мельницъ окружаетъ ее. Во время французской экспедиціи въ Египетъ, солдаты Клебера построили первую вѣтреную мельницу; Мехмету-Али она очень понравилась, и съ тѣхъ поръ ихъ построили множество. Сколько глазомъ не окинешь, все видишь крылья, то спокойныя, то вертящіяся. Надъ городомъ возвышаются минареты и колонна, остатокъ римскаго величія. Теперешній городъ — совсѣмъ другой, а не тотъ, въ которомъ жили гордые Птолемеи; тотъ былъ разрушенъ. Здѣсь нѣтъ ни великолѣпныхъ зданій, ни правильныхъ площадей; каждый строитъ себѣ домъ, по мѣрѣ надобности и сообразуясь съ мѣстностью. Здѣсь нѣтъ театровъ и развлеченіемъ торговыхъ людей служить игра въ карты и въ кости. Въ Александріи живутъ Греки, Италіанцы,

Турки и представители европейскихъ народовъ. Мусульманскія нравы здѣсь налагають печать на всѣ національные обычаи. Здѣсь не увидишь ни одной статуи, ни одного образа, ни одной женщины безъ покрывала; окна турецкихъ домовъ отвернулись лицевою стороною отъ улицы и смотрять во внутренній дворъ, такія глухія стѣны придаютъ городу какой-то мрачный видъ.

Таково было впечатлѣніе, произведенное на насъ первымъ видомъ города. Съ парохода насъ не тотчасъ спустили; надобно было подвергнуться разнымъ формальностямъ. Пароходъ окружили много лодокъ и лодочекъ, каждый перевозчикъ навязывался съ своими услугами. Съ берега отчалила большая лодка съ двѣнадцатью гребцами, одѣтыми въ бѣлыя рубашки, съ красными фесками, да и лодка была бѣлая съ золотыми каемками. Мы думали, что между нами ѣхалъ какой-нибудь знатный человекъ, но вскорѣ узнали, что всякій изъ насъ могъ-бы щегольнуть въ ней; стоило только заплатить деньги. Арсеналь за извѣстную плату высылаетъ лодку, теперь ее вытребовалъ себѣ какой-то Англичанинъ.

Мы безъ великолѣпія и безъ шума, на пароходной шлюпкѣ, причалили къ берегу, сѣли въ приготовленную заранѣ повозку, туда-же побросали вещи и чемоданы и поѣхали въ городъ. Дождь размылъ мелкую пыль, обыкновенно на нѣсколько дюймовъ покрывающую улицы, и превратилъ ее въ грязь, по которой босикомъ ходять Арабы и Турки. Говорять, что дожди въ новѣйшее время идутъ несравненно чаще,

нежели встарину; такую переменѣну приписываютъ плантаціямъ и садамъ, разведеннымъ Европейцами; не знаю, на сколько правды въ этомъ предположеніи, но непріятности и неудобства отъ дождей вознаграждаются зеленью и свѣжестью. Къ тому-же иѣто всегда совершенно сухое и городъ страдалъ отъ безводья до тѣхъ поръ, пока водопроводы, посредствомъ сильной паровой машины, не разлили нильской воды по бассейнамъ и не подняли ея въ видѣ фонтановъ на площадяхъ и перекресткахъ. На консульской площади—большой бассейнъ; вокругъ него постоянная толпа народа; здѣсь выдаются знакомые, здѣсь заключаются торговыя операціи; это клубъ и биржа Александріи.

Мы помѣстились въ очень сносной гостинницѣ и тотчасъ отправились отыскивать компанію Суэцкаго канала; найти зданіе компанейское очень не трудно: каждый носильщикъ, каждый кучеръ, каждый торговецъ его знаетъ. Стоитъ только вопросительно произнести слово компанія, и каждый вамъ покажетъ, куда идти. Въ Египтѣ множество всякихъ торговыхъ компаній, но народъ знаетъ и признаетъ только одну, ту, которая прокладываетъ водяной путь изъ Средиземнаго въ Красное море, которая истрачиваетъ миллионы рублей, которая даетъ работу и денегъ сотнямъ тысячъ бѣдняковъ. Здѣсь всѣмъ даже извѣстно имя Лессепса, главнаго директора и инженера компаніи. Туземцы поняли важное значеніе канала и предвидятъ пользу, какую могутъ извлечь изъ него: во-первыхъ, пока онъ строится, и во вторыхъ предвидятъ выгоды; какія онъ принесетъ, когда будетъ оконченъ.

Я отыскалъ домъ французскаго вице-президента. Здѣсь есть обычай въ богатыхъ домахъ, чтобы у наружныхъ дверей стояло по двое слугъ; у нихъ другаго дѣла и нѣтъ; они одѣты въ костюмъ Албанцевъ и исполняютъ должность швейцара; одинъ изъ нихъ провелъ меня въ переднюю консула; можетъ быть, это изъ вѣжливости, а можетъ быть это заведено такъ, во избѣжаніе всякаго случая; здѣсь лакеи сдаютъ гостя съ рукъ на руки одинъ другому и подъ конвоемъ доводятъ наконецъ до гостинной. Меня ожидалъ ласковый, вѣжливый, чисто европейскій пріемъ; мы попали почти въ обѣденное время; насъ пригласили къ столу; послѣ долгаго плаванія и столькихъ бурь, я съ невыразимымъ наслажденіемъ чувствовалъ, что подо мною твердая земля, что я сижу на мягкомъ креслѣ и могу ѣсть, не опасаясь что тарелка ускользнетъ отъ меня, а стаканъ прольется; но самое большое наслажденіе находилъ я въ образованной бесѣдѣ хозяевъ.

За столомъ узналъ я, что Лессепсъ ждетъ насъ въ Каирѣ и совѣтуетъ поторопиться къ нему. Изъ Александріи поѣзды желѣзной дороги ходятъ въ Каиръ, по два раза въ день, въ 8 часовъ утра и въ 5 пополудни. Мы отправились по вечернему. Переѣздъ до Каира шестичасовой; мы ѣхали вдоль озера Мареотиса; во времена Римлянъ озеро было судоходно: нильскія воды въ половодье наполняли его посредствомъ каналовъ, проведенныхъ отъ рѣки; берега его окаймлены были прекрасными плантаціями; виноградная лоза росла превосходно; жителей вокругъ озера было много, а особенно на островахъ, отличавшихся плодородіемъ. Теперь озеро пре-

вратилось въ болото, сообщеній съ Ниломъ нѣтъ, а напротивъ, въ него проникаетъ морская вода; вмѣсто зелени, берега покрыты соленою пѣною; жители покинули эти печальныя, опустошенныя мѣста.

Въ одинадцать часовъ вечера мы прибыли въ Каиръ; не успѣвъ поѣздъ остановиться, какъ кто-то поспѣшно отворилъ дверь вагона и сталъ звать по именамъ меня и товарищей моихъ, подобно мнѣ принадлежавшихъ къ компаніи Суэцкаго канала; оказалось, что то былъ драгоманъ Гассанъ и товарищъ его Мухамедъ, присланные къ намъ на встрѣчу. Первый—чистѣйшій Арабъ, съ правильными чертами и съ оливковымъ цвѣтомъ лица; глаза у него искрились огнемъ сдержаннаго пламеннаго характера и свѣтились умомъ; движенія его были медленны и величавы, руки и бѣлая одежда всегда чисты. Второй—Негръ, съ смѣшнымъ, неправильнымъ, курносимъ и толстогубымъ лицомъ, составлялъ совершенный контрастъ съ своимъ товарищемъ Арабомъ; онъ былъ живъ, вертлявъ, вспыльчивъ, сварливъ, но почти всегда веселъ, любилъ семейную жизнь, былъ очень предупредителенъ и услужливъ; между тѣмъ, какъ Арабъ хотя и исполнялъ то, что ему поручали но дѣлалъ это съ такимъ видомъ, какъ будто оказываетъ величайшую услугу. Драгоманы отправились съ нами на перешеекъ и очень были намъ полезны, особенно когда не ссорились между собою и Мухамедъ подчинялся Гассану,

На другое утро я взглянулъ на оживленный, живописный и въ высшей степени занимательный